

В. Г. Белинский

**<Стихотворения
Полежаева>**

Виссарион Белинский
Стихотворения Полежаева

«Public Domain»

1842

Белинский В. Г.

Стихотворения Полежаева / В. Г. Белинский — «Public Domain»,
1842

Первые критические замечания Белинского о Полежаеве встречаются уже в «Литературных мечтаниях». Белинский говорит о нем, как о крупном явлении среди «поэтов пушкинского периода», как о «таланте, правда, одностороннем, но тем не менее замечательном». Он отрицательно оценивает переводы Полежаева, его «шутливые стихотворения» и «заказные стихи», но рекомендует читателю те произведения поэта, «которые имеют большее или меньшее отношение к его жизни».

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Виссарион Григорьевич Белинский <Стихотворения Полежаева>

Часы выздоровления(,) стихотворения А. Полежаева. Москва. 1842.

Стихотворения А. Полежаева. Москва. 1832.

*Кальян. Стихотворения Александра Полежаева. Москва. 1838.
(Издание третье).*

Арфа. Стихотворения Александра Полежаева. Москва. 1838.

И я жил, но я жил
На погибель свою...
Буйной жизнью убил
Я надежду мою...
Не расцвел, и отцвел
В утре пасмурных дней;
Что любил, в том нашел
Гибель жизни моей.
Дух уныл, в сердце кровь
От тоски замерла,
Мир души погребла
В шумной воле любовь...
Не воскреснет она!..

А. Полежаев.^[1]

Первая из книг, заглавие которых выставлено в начале этой статьи, включает в себе обрывки стихотворений талантливого Полежаева и не заслуживает никакого внимания. Это явно или спекуляция на имя, или следствие необдуманного дружеского усердия к покойному автору.^[2] Тем не менее мы рады появлению этой книжки, потому что она дает нам удобный случай поговорить о Полежаеве, как о поэте вообще, и сделать критическую оценку всей его поэтической деятельности.

Слава дается людям гением и не зависит ни от каких случайных отношений. Против нее бессильны предубеждения, зависть и злоба. Они даже служат ей, стараясь уничтожить ее, – и если им удастся иногда помрачить ее лучезарный блеск, то не более, как на минуту, и для того только, чтоб она явилась еще лучезарнее: так солнце является в большем блеске, когда пройдут мимо застилавшие его облака, а они не могут же не проходить мимо его! Время всегда на стороне «славы», и, опираясь на него, она торжествует даже над самим временем. Но слава дается одним гениям, – и как между гением и обыкновенным человеком есть множество посредствующих ступеней и звеньев, называемых «талантами» и «дарованиями», так и между «славою» и «неизвестностью» есть посредствующие величины славы, называемые большею или меньшею

^[1] Из стих. «Вечерняя заря».

^[2] Сборник Полежаева «Часы выздоровления» был подготовлен к печати автором еще в 1835 году, но не был разрешен цензурой и вышел уже после смерти поэта – в 1842 году. Резкий отзыв Белинского об этом издании объясняется двумя причинами: во-первых, тем, что в книжку был включен ряд стихов Полежаева, поэтические достоинства которых представлялись критику весьма сомнительными, и, во-вторых, чрезвычайной небрежностью, с которой был сделан сборник с точки зрения редакционной и издательской: плохая бумага, большое количество опечаток и, что особенно важно, много стихотворений, известных Белинскому по их первоначальным журнальным публикациям, воспроизведены здесь в крайне изуродованном виде и выглядели «оборышами».

«известностью». Вот эти-то таланты и дарования, эти-то известности более или менее и испытывают на себе влияние случайных отношений и временных обстоятельств, ничтожных и бессильных для гения и славы. Нельзя провести резкой черты, отделяющей гения от таланта, ибо есть таланты, близкие к гению, и вообще подобное разграничение окончательно совершается временем и веками. В этом вопросе для нас важно только то, что чем выше, сильнее, многостороннее, глубже, словом, огромнее талант, – тем больше его известность приближается к славе, тем менее могут вредить ему случайные отношения; и наоборот: чем меньше и одностроннее талант или низшая его степень – дарование, тем больше зависит оно не от самого себя, а от внешних обстоятельств, влияние которых особенно сильно обнаруживается на него в самое его возникновение и развитие. Часто случается, что совершенно пустое и ничтожное дарование пользуется в свое время громкою известностью, похожую на славу; а истинный и замечательный талант проходит, незамеченный толпою при жизни, забытый ею по смерти. И когда поток времени поглотит все случайные известности и эфемерные славы, тщетно стал бы кто-нибудь воскрешать непризнанную славу вотще промелькнувшего таланта: его вновь заслоняют вновь возникшие известности, его слава, его творения принадлежат исключительно его времени, которое прошло для него и бесплодно, и безвозвратно. Потомство согласится, что он был выше тех, которые заслоняли его, но и на нем не захочет остановить своего внимания так же, как и на них. Впрочем, нельзя сделать общего правила из такого случая, потому именно, что он случай. Часто бывает и наоборот: часто пальма первенства достойно дается современниками первому по достоинству; но в том-то и состоит зависимость таланта от случайности, что он так же может быть признан современниками, как и не признан ими. Только мировые гении поставлены вне закона этой случайности, ибо не могут не быть ни непризнанными, ни забытыми.

Конечно, не стоит и хлопотать о таланте, который умер, не живя, и которого имени нельзя воззвать к жизни. Но этому могут противоречить два обстоятельства. Во-первых, истина и справедливость сами себе цель; для них иногда может быть важен предмет более по отношению к ним самим, чем к себе самому. Во-вторых, если дело идет о таком таланте, который, будучи не признан при жизни, не может возратить должного себе после своей смерти, не столько по недостатку в силе, сколько по неразвитости, ложному направлению, или по причинам, скрывавшимся в самой эпохе, в которую он явился: тогда критике стоит и очень стоит заняться им как предметом замечательным и поучительным. К таким-то талантам принадлежит Полежаев, и потому-то мы давно желали найти случай поговорить о нем. Теперь много имен в нашей литературе, пользующихся только прошедшею своею известностью, и на этом зыбком основании тщетно требующих себе внимания равнодушной к ним современности: и однакож все они некогда заслоняли собою Полежаева, которого и теперь не видно из-за их поблекшей известности. И как им было не заслонить его? их стихотворения печатались в Петербурге, издавались так красиво, сами они писали друг к другу послания, участвовали в приятельских журналах, и некоторых из них сам Пушкин печатно величал своими сподвижниками... Стихи Полежаева ходили по рукам в тетрадках, журналисты печатали их без спросу у автора, который был далеко; наконец, они и издавались, или за его отсутствием, или без его ведома, на плохой бумаге, неопрятно и грубо, без разбора и без выбора – хорошее вместе с посредственным, прекрасное с дурным... Еще в Москве Полежаев пользовался громкою известностью; там и доселе не забыт он; но Петербург вскользь слышит о существовании его как поэта: теперь же, когда Петербург, давно уже центр администрации, день ото дня более и более делается центром умственной и всякой другой деятельности России, – теперь и литературная известность в России, даже в самой Москве, возможна только через Петербург.

Часто случается встретить в критиках и рецензиях мнение, что такой-то поэт мог бы приобрести себе прочную славу, но погубил свое дарование, увлекшись звоном рифмы, вычурностью в выражениях и т. п. Справедливо ли такое мнение? – Может быть, и справедливо,

только крайне односторонне, по нашему мнению. Почему Шиллер – великий поэт? – Потому что получил *от природы* великий гений. А почему Шиллер не погубил своего великого гения, почему он не увлекся звоном рифмы, вычурностью выражения? – Потому что он получил *от природы* великую душу, которая презирала мелочами и стремилась к одному истинному, великому и вечному. Видите ли: здесь причина прежде всего в натуре поэта, которая уже по самой сущности своей не допустила бы его сбиться с пути. Но, скажут нам, поэзия Шиллера велика не одною силою художнического гения, не одним пламенем! любви к человечеству и к истине, но и мирообъемлющим, вечно юным и вечно развивающимся содержанием, которого только возможность лежала в его натуре, но которое усвоено, развито и обогащено было им посредством учения и неослабного стремления за современными интересами. Так; но опять-таки начало всего в натуре поэта, душа которого сгорала жаждою знания и сердце которого вечно билось только для идеи. Потом, здесь причина еще и в духе, жизни и развитии, словом – истории народа, среди которого родился поэт, и, наконец, в историческом моменте, в котором застал поэт современное ему человечество. Это уж не его заслуга – это дело судьбы, велевшей ему родиться германцем, а не китайцем. Природа везде природа, человек везде человек: и в Китае может родиться поэт с организацией и духом Шиллера, но Шиллером никогда не будет, останется китайцем: он выразит своими творениями бедное содержание китайской жизни и в уродливых китайских формах; китайцы будут им восхищаться, но европеец не поймет его ни в подлиннике, ни в лучшем переводе. Таково влияние национальности на дух и достоинство творений поэта: она, эта национальность, делает его и великим и ничтожным. Но если бы этот предположенный нами китайский Шиллер и выдвинулся из своего народа, усвоив себе европейскую образованность и европейское знание, и тогда бы в своих творениях был он только любопытным фактом феноменологии духа человеческого, а не великим явлением в сфере творчества, ибо великий поэт может возникнуть только на национальной почве. Содержание для поэзии дает поэту жизнь, а не наука: наука только обогащает и развивает это содержание. Не из книг почерпнул Шиллер свою ненависть к униженному человеческому достоинству в современном ему обществе: он сам, еще дитятей и юношею, перестрадал болезнями общества и перенес на себе тяжкое влияние его устарелых форм; наука только познакомила его с причинами настоящего, скрывавшимися в веках, уяснила вопрос и дала сознательное направление энергической деятельности его могучего духа. Равным образом не наукою постиг он все великое и истинное в средних веках: наука только уяснила ему этот вопрос, а самый вопрос возбудила в нем жизнь: ибо современная ему цивилизация была результатом средних веков, с их добром и злом. Более ощутительно влияние науки на Шиллера в его сочувствии с древним миром; но и тут корень этого сочувствия скрывался в истории его отечества, связанной с историею Рима, а через нее и с историею Греции. Предполагаемый нами китайский гений мог бы усвоить себе только извне европейскую образованность и просвещение: вырастая без почвы, она не принесла бы и плодов; непонятый соотечественниками, он не был бы оценен и европейцами. Другое дело, если б, родившись в Европе или перевезенный туда младенцем, он вырос и развился в духе и жизни той страны; но тогда бы он мог быть только поэтом этой страны, а отнюдь не китайским поэтом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания